

ІПОТЕЧНІ ЦІННІ ПАПЕРИ ЯК ІНСТРУМЕНТ МОБІЛІЗАЦІЇ ІНВЕСТИЦІЙНОГО ПОТЕНЦІАЛУ НАСЕЛЕННЯ

зовнішні умови системи, що змінюються. Так, в міру стабілізації ринку розміри льгот та знижки можуть планомірно зменшуватись. За цією плавною траєкторією система, адаптована для роботи в умовах перехідної економіки, може поступово трансформуватись в умови розвинутих ринкових відносин.

Уже сьогодні розроблено Проект Закону України «Про іпотечні цінні папери», яким передбачено два види облігацій [7, 62]. Звичайні іпотечні облігації, які є інструментом однорівневого вторинного іпотечного ринку (Європейська модель іпотечного кредитування) та структуровані іпотечні облігації, які є інструментами дворівневого вторинного іпотечного ринку.

У проєкті іпотечний цінний папір класифікується як борговий емісійний цінний папір, що засвідчує забезпечене іпотечним покриттям зобов'язання емітента сплатити у встановлений строк власнику іпотечного цінного паперу його номінальну вартість і відсоток відповідно до вимог, що будуть встановлені цим законом.

Висновки. Закон України «Про іпотечні цінні папери» має встановити жорсткі вимоги до емітентів іпотечних цінних паперів. Сьогодні кожен комерційний банк може випускати облігації, продавати їх учасникам фондового ринку і спрямовувати отримані кошти на надання іпотечних кредитів. Закон повинен визначити умови, за яких для інвестора купівля іпотечних цінних паперів будь-якого банку буде менш ризикованою, ніж купівля звичайних облігацій того ж банку. Іпотечні цінні папери мають бути забезпечені конкретними іпотечними активами. У разі банкрутства банку ці активи відокремлюються та йдуть на погашення виключно іпотечних облігацій.

З прийняттям зазначеного Закону створяться умови для розвитку повноцінного іпотечного ринку в Україні, відкриється доступ до джерел фінансування для кредитування житлового будівництва на вигідних умовах та нормальної реалізації пенсійної реформи внаслідок появи на фінансовому ринку забезпечених інструментів.

Джерела та література

1. Бюлетень НБУ.-2005.-№2-144с.
2. Бюлетень НБУ.-2006.-№9-189с.
3. Статистичний щорічник України за 2005 рік.-К.: Вид-во «Консультант», 2006.- 575с.
4. Шибасєв Н.В. Перспективи українського ринку іпотечних цінних паперів. www.ufin.com.ua/03_1/fru_F1.htm Інформаційний портал Українського агентства фінансового розвитку (ЗАТ «УАФР»)
5. Закон України «Про іпотеку» //Відомості Верховної Ради України. - 2003.№38.
6. Закон України «Про іпотечне кредитування, операції з консолідованим іпотечним боргом та іпотечні сертифікати» //Відомості Верховної Ради України.-2004.-№1.
7. Іпотечне кредитування: проблеми та перспективи розвитку в Україні: Інформаційно-аналітичні матеріали /За загальною редакцією к.е.н. Кіреєва О.І. – Центр наукових досліджень НБУ, 2004.-104с.

Семиколенов В.Н.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Актуальность выбранной темы мы видим, прежде всего, в том, что в современном мире четко проявляется тенденция изменения качественных и количественных характеристик информационных потоков, создающих и поддерживающих информационную реальность, в которой существует человек и общество. Новая информационная реальность качественно трансформирует сознание, деятельность, межличностные и групповые отношения, формирующиеся в условиях информационно насыщенной среды.

Поколение, вырастающее в тесном общении с компьютерами, электронными играми, мобильной связью, отличается от предыдущего как мировоззренчески, так и по психологическим, моральным и духовным параметрам. Речь идет не только о навыках владения вычислительной техникой, но и об изменениях фундаментальных духовно-культурных структур, понятий и представлений. Иначе организуются внешний мир, образ жизни, интеллектуальные способности развиваются не просто быстрее и разностороннее, но и в ином социально-временном измерении.

Сегодня мир находится на этапе качественно нового витка в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры и информационной среды в целом. Поэтому **целью** данной работы является анализ изменений, происходящих во внешней среде, в обществе, в культуре, а также способов формирования информационной реальности, которая, безусловно, не может не усваиваться человеком, не воздействовать на его внутренний мир. Для этого потребуются решить некоторые конкретные **задачи**, которые мы формулируем следующим образом:

- прояснить различие между сознательными и бессознательными ценностями и моральными установками, изучить специфику их формирования в информационном обществе;

- исследовать феномен реификации и его влияние на формирование современной информационной реальности;
- определить роль интеллектуальной элиты в формировании современной информационной реальности.

Методы исследования включают феноменологический, системно-функциональный, интервальный и аксиологический подходы, а также морально-нравственную рефлексию содержания информационных потоков, создающих современную информационную реальность.

При изучении данной темы мы опирались на труды, посвященные теории информационного общества (М.Альетта, Д.Белла, Н.П.Ващекина, В.Л.Иноземцева, В.В.Кизимы, Б.А.Парахонского, А.Тотфлера, А.Турена, Ф.Уэбстера и др.), теории морали (Т. Адорно, Р.Г. Апресяна, Е.К., А.А. Гусейнова, Г. Ирлитца, В.А. Малахова и др.), работы по аксиологии (В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Шелера и др.) и на работы, касающиеся проблем бытия и функционирования современной интеллектуальной элиты (К.К. Баранцевой, Дж. К. Гелбрейта, В.О.Ковалевского, М. Маклюэна, Р. Рейча и др.).

Новизна данного исследования заключается в следующих положениях:

- показано, что при формировании бессознательных ценностей и моральных установок с помощью информационных технологий в подсознание легко вводятся программы низшего порядка, в то время как высшие ценности формируются только на сознательном уровне;
- обосновывается, что реификация – одна из антропологических характеристик восприятия, она естественна, а поэтому сознательное ее использование является незаметным, но очень эффективным средством создания «виртуальной» информационной реальности; под реификацией следует понимать восприятие того, что создано человеком, как нечто, имеющее собственное, независимое от человека бытие;
- выявлено, что возможности и функции интеллектуальной и правящей элиты в обществе различны; направление движения общества, его стратегия и тактика задается правящей элитой, а обеспечение движения в этом направлении – функции интеллектуальной элиты.

Прежде всего, проясним, что мы будем называть информационной реальностью. Под этим термином мы понимаем не простое наличие в мире обилия информации, а ту информацию, с которой человек, общество, культура вступили в диалог. Ту информацию, которая до них «дошла» и вызвала ответную реакцию – в форме принятия, изучения, игнорирования или отвержения.

Представляется, что информационная реальность образуется в сознании человека различными способами: программой компьютера или священника, шамана, жреца, политического деятеля, рекламой и т.д. Но все-таки сущность любой информационной программы, формирующей информационную реальность, состоит в том, что в сконструированную каким-либо образом модель встраивается обратная связь, которая обеспечивает активное «участие» (субъективное ощущение участия) в развитии «событий» (ощущение событий) этого «мира» (виртуального мира). Этот процесс в одинаковой мере как необходим, так и неизбежен, прежде всего потому, что сознание человека диалогично. В этой связи интересной представляется деятельность и коммуникативная концепция человека Л.П.Будевой [1; 496], в которой учитываются, прежде всего, два обстоятельства – диалогичность сознания, его коммуникативная природа, а также необходимость совершения действий самого разнообразного плана – как физических, так и ментальных.

Человек обречен на действие. В такой ситуации актуальным становится проблема уровня и качества коммуникации, а также вопрос о том, кто становится партнером в этом диалоге – общество, культура, другие люди, СМИ? И исключены ли совсем из объектов коммуникации Бог, Абсолют и собственная совесть. Информационная реальность с действующими в ней программами в таком случае играет огромную роль в формировании и направлении целей, ценностей, картины мира, а также непосредственно с ними связанных морально-нравственных представлений.

Информационная реальность с существующими в ней моделями и программами является тем полем возможностей, из которых человек или культура выбирает одну или несколько, делая ее своей. Представляется, что когда выбор сделан сознательно, вступает в действие «законодательство разума», как его называл И.Кант, формируется категорический императив. «Законодательство разума не имеет ничего общего с привычкой, вероятностью или постоянством природы, в значительной степени его характеризует термин «императив» или «норма», - отмечал он [2; 417]. Однако в ситуации информационного общества, характеризующегося не только избыточностью информации, присутствием различных культурных миров с их целями, ценностями и моралью в одном культурном хронотопе, но и перепроизводством материальных благ, которые должны быть потреблены (мораль и ценности «общества потребления»), а также высокими технологиями не только передачи, но и подачи информации (PR, реклама, политехнологии и т.д.), сформировать некое однозначное «законодательство разума» становится очень сложно. Более того, с нашей точки зрения, в современной культуре развитых стран завуалированно присутствует установка, что в такой однозначности нет никакой необходимости.

Эта установка, на наш взгляд, проявляется прежде всего в плюрализме взглядов, ценностей, норм и описаний мира, их фактически декларируемой духовной, нравственной равноценности. Однако некоторые ученые считают, что в практической философии сохраняется возможность рассматривать условия объективности норм в терминах онтологического содержания закона, т.е. наличия специфического вида причинности совершаемых человеком действий [3; 56]. В таком случае, если речь идет об онтологическом содержании закона, то этот закон отражает не только то, что у каждого действия есть причина, но и то, каковы следствия данных действий. Таким образом, мы склоняемся к выводу, что цели, ценности, моральные приоритеты не могут быть равнозначны в онтологическом отношении. Одни из них могут быть разрушительными для человека и культуры, а другие – созидательными. Однако в современной культуре задача выде-

ления первой и второй категории норм, похоже, не ставится, хотя именно этот вопрос, по нашему мнению, является ключевым не только в самоопределении, самосознании человека и культуры, но и в способности к выживанию и дальнейшему развитию.

Когда речь идет о выборе морали и ценностей, мы, конечно, имеем ввиду, что человек его делает сознательно. Однако можно также согласиться с Э.Фроммом, который утверждает, что наряду с осознанными ценностями существуют ценности бессознательные, и вот как он их характеризует: «Бессознательные ценности, служащие непосредственными мотивами человеческого поведения, — это ценности, порожденные социальной системой бюрократизированного индустриального общества, то есть - собственность, потребление, общественное положение, развлечения, сильные ощущения и пр.» [4; 285]. Однако следует отметить, что человек, бессознательно усваивая перечисленные Э.Фроммом ценности, порожденные социальной системой, имеет для их усвоения основу в собственной психосоматической природе, телесности.

Для человека отношение к объектам окружающего мира как к своим, как считает отечественный исследователь Л.М.Газнюк, означает прежде всего улучшение перспективности существования тела, повышение его безопасности и комфортности его существования [5; 154]. А.Хорхе также отмечает, что «потребность в комфорте имеет психологическую природу или, лучше сказать, психосоматическую, т.е. и физическую, и психологическую» [6; 23]. Таким образом, когда общество потребления, или информационное общество, продуцирует перечисленные Фроммом ценности, то они легко, без усилий и всякой рефлексии усваиваются и принимаются как благо, поскольку в значительной степени соответствуют человеческой природе. Однако отметим, что мы вовсе не считаем человеческую природу совершенной, а, следовательно, далеки от мысли, что «все естественное прекрасно». Чтобы это было так, человеку еще предстоит много над собой работать, хотя и в этом случае достижение нравственного идеала вряд ли возможно.

Однако это вовсе не означает, что нравственный идеал и моральные нормы следует отменить. Человеку и свойственно, и необходимо стремление к высшим ценностям, выходящим за грань психосоматики, однако реализация высших ценностей потребует: а) обуздания низших, б) наличие духовной, моральной цели и в) приложения сознательных моральных усилий. Учитывая вышесказанное, мы можем согласиться с тем, что бессознательные ценности могут как существовать, так и легко вводиться в подсознание обществом, тем более с помощью информационных технологий, но это будут ценности низшего порядка, достижение которых не потребует от человека серьезной работы над собой, духовных и нравственных усилий. Из этого напрашивается вывод – с помощью информационных технологий в сознание человека легко вводятся определенные программы низшего порядка, учитывающие потребности его психосоматической природы и, более того, гипертрофирующие эту природу.

Еще одной особенностью современной информационной реальности является усиливающийся с помощью информационных технологий феномен реификации. По П.Бергеру и Т.Лукману реификация - это восприятие произведенных человеком феноменов в качестве вещей, т.е. объективированных сущностей, принадлежащих как бы «природному миру» с его законами, независимыми от человека [7]. Созданный человеком и затем объективированный им же духовный, социальный мир перестает восприниматься как «человеческое предприятие», наделяется «чуждой фактичностью» и объективно-предписывающими функциями. Как модальность сознания, «модальность объективации человеком человеческого мира» реификация универсальна, она присутствует как в теоретическом, так и в обыденном сознании, не сводится к мыслительным конструкциям. Реифицированы могут быть также роли, отношения, структуры повседневного сознания и деятельности. Особо выделяется следующее: главный способ реификации любых социальных сущностей и «институтов» - это наделение их онтологическим статусом, независимым от человеческой деятельности и сигнификации. Л.А. Микешина обращает внимание на большое практическое значение этой процедуры, поскольку человек как бы адаптирует идеальные сущности к своему материальному, вещественному миру, вместе с тем необходимо осознание ее присутствия и корректировки самой склонности к реификации, в первую очередь теоретического мышления.

Реификация, по предположению Л.А. Микешиной, является одним из способов создания виртуальных объектов особого типа, которые объективируются с помощью их «овеществления» и понимаются по аналогии с предметами «внечеловеческого» мира в различных видах дискурса» [8; 44-45]. Таким образом, реификацию можно назвать в некотором роде современным мифотворчеством, а под виртуальными мирами понимать не только те, что присутствуют в компьютерных системах и сетях Интернет, но и вообще в культуре. Появлению, распространению и внедрению в сознание значительного количества таких «виртуальных миров» мы обязаны не только процессам реификации, механизм которых в некотором смысле присущ человеческой психике, но и усиленной направленной работе в этом направлении информационных технологий, средств массовой информации и сети Интернет.

В современном информационном обществе происходит парадоксальное явление – несмотря на избыток информации и достижения науки, человек живет в еще более мифологизированном мире, чем в доинформационном обществе. И это происходит не только из-за невозможности усвоить и обработать поступающую информацию, но и, как нам представляется, благодаря сознательному усилению процессов реификации с помощью информационных технологий, т.е., по сути дела – сознательному творению мифов, созданию «виртуальной реальности». В подобной ситуации возникает необходимость выяснения как для человека, так и для культуры вопроса о том, какой картины мира они придерживаются, какие ценности, цели, моральные требования эта картина мира предполагает. В противном случае человек или культура могут оказаться в одном из «виртуальных миров», зачастую созданном даже не ими самими, и ошибочно приня-

том за реальность. Последствия такой ошибки как для человека, так и для культуры могут быть катастрофическими. Прежде всего потому, что виртуальный мир не обладает онтологическим статусом, однако им обладает мир реальный, и не учитывать его законов не только не целесообразно, но и опасно.

Возникают также другие вопросы: если реификация и современное мифотворчество – процесс не хаотический, а направленный, то кто его направляет, куда и зачем? Здесь нам кажется уместным обратиться к анализу роли интеллектуальной и информационной элиты в современном обществе, поскольку именно ей приписывается ответственность за процессы, происходящие в нынешней информационной реальности.

Дж. К. Гелбрейт [9] еще в 1969 году обращал особое внимание на возрастающую роль в культуре и обществе тех людей, которые «управляют информацией» и влияют на самосознание человека, а также на групповое принятие решений. Специфика места и роли интеллектуальной элиты в информационном обществе отмечалась А. Тоффлером [10] и другими авторами теории постиндустриального, или информационного общества, а также в исследованиях в области средств массовой коммуникации М. Маклюэна [11].

Представляется, что значительное влияние на формирование привилегированного класса интеллектуальной элиты оказала не только необходимость дальнейшего научно-технического прогресса, но и необходимость информационного воздействия на массы. Использование той или иной информации формирует новую систему мотивов деятельности и является базой для становления в обществе новых социальных групп. А. Тоффлер говорит о власти меньшинства, которое владеет информацией и способами ее подачи. Он называет его knowledge-class, которому очень трудно или совсем невозможно создать управляющую оппозицию [12; 371]. Уровень образования представителей информационно-технологической сферы деятельности значительно превышает уровень образования, характерный для большинства граждан, которые составляют совокупную рабочую силу. В.Л. Иноземцев считает, что именно поэтому границы группы, владеющей информационными технологиями (knowledge-class) никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом [13; 72]. Значимые знания сосредоточены у относительно узкого круга людей, социальная роль которых в информационном обществе бесспорна. Во многом от них зависит то, какая ценностная доминанта будет преобладать в культуре и какова будет мораль большинства ее субъектов.

Однако интеллектуальная элита не существует сама по себе, вне общества, вне научных сообществ, как отдельное явление. Прежде всего потому, что интеллектуальная элита – это определенный социальный слой, имеющий связи с различными социальными институтами. Она также тесно связана с правящей (политической и экономической) элитой, которая стремится к поддержанию устойчивости определенных социальных структур с их одновременным поступательным обновлением. Интеллектуальная элита выполняет функцию определенного социального механизма, который обеспечивает создание или абсорбцию инноваций, а также их интеграцию, органичное объединение с существующими в обществе традициями. Ее способность к осуществлению этого процесса определяется спецификой ее сущностных характеристик.

В научной литературе часто встречается мнение, что знания и квалификация становятся сегодня главными факторами власти и управления. Здесь мы видим необходимость внести некоторые уточнения. На наш взгляд, не следует ставить знак тождества между знаниями и квалификацией – с одной стороны, и властью и управлением – с другой. Знания и квалификация субъекта становятся в информационном обществе решающим потенциальным фактором его социального продвижения, и только. Причем этот потенциал может реализоваться в полной мере, только если он будет востребован управляющей элитой, имеющей реальную власть. Однако знания и квалификация сами по себе еще не дают возможности ни власти, ни управления. Власть, а с нею – возможность и необходимость управления приобретаются другим путем, хотя и с помощью высококвалифицированных специалистов в области информационных и электронных технологий. Тем не менее, заблуждение по поводу того, что интеллектуалы сегодня управляют миром, является весьма распространенным. Настолько распространенным, что приобретает характер мифа, который искусственно создается и поддерживается. Однако представляется, что интеллектуалы только создают средства и разрабатывают технологии, с помощью которых миром управляет экономическая и политическая элита, т.е. те, кто имеет реальную власть.

Представители французской социологической школы предполагают, что может возникнуть новый правящий класс держателей информации. Однако, на наш взгляд, существующий правящий класс и есть класс держателей информации. А класс интеллектуалов – ее поставщик и, возможно, систематизатор, осуществляющий также ее доставку аудитории через СМИ, создание специальных программ и сайтов в сети Интернет. Тем не менее, без владения средствами массовой информации, управления интернет-серверами и наличия политической власти, само по себе владение информацией не может оказать на общество настолько сильного воздействия, чтобы можно было всерьез говорить о появлении какого-то нового правящего класса держателей информации, отличного от уже существующего. Кроме того, информационная избыточность, подавляющая способность суждения и критического анализа, отменяет всякую возможность стать сенсацией, принятой за истину, той информации, которая по решению определенных сил стать сенсацией не должна. Вряд ли в таком случае можно ожидать, что каким-то образом просочившаяся нежелательная информация станет достоянием широких масс, тем более – серьезно повлияет на их сознание.

Ю.В. Яковец считает, что причиной центрального конфликта в постиндустриальном обществе будет несовпадение интересов индивида и технократии, взявшей на себя ответственность за определение путей общественного прогресса [14]. Однако, на наш взгляд, технократия не в состоянии самостоятельно определять пути общественного прогресса, она не действует в отрыве от общегосударственной культурной, идеологической и экономической политики, а только ее обеспечивает. И хотя роль технократии и других представителей интеллектуальной элиты в информационном обществе велика, но не они определяют на-

правление развития. Они несут ответственность за свою деятельность и за те проекты, которые воплощаются в культуре благодаря этой деятельности. Но еще большую ответственность несет правящая элита.

Однако правящая элита, задающая направление движения общества и влияющая на него, не является единственно возможным источником изменений и развития. Даже если на каком-то историческом этапе активность элиты является принципиально решающей, в некоторый момент в этом же обществе могут возникнуть другие, значительно более прогрессивные источники развития, которые смогут ослабить влияние элиты на общество. Как говорил бывший госсекретарь США Бжезинский еще в 1970 г., «по большей части гуманистически ориентированный, изредка идеологически настроенный интеллигент-оппозиционер... быстро вытесняется либо экспертами и специалистами, либо обобщающими интеграторами, становящимися в конечном счете придворными идеологами власть имущих, если только не произойдет всеобщего объединения интеллектуалов для принципиально иных действий» [15; 45]. Выходом их создавшейся ситуации представляется именно такого рода объединение представителей интеллектуальной элиты,

В заключение хотелось бы отметить, что с формирующимся информационным обществом в последнее десятилетие связываются большие ожидания. Считается, что информационное общество обладает огромным потенциалом для улучшения качества жизни всего человечества и каждого человека в отдельности, резко расширяет возможности для малого и среднего предпринимательства, для оптимального использования местных условий и ресурсов, для развития управления, образования и здравоохранения. На этой основе создаются предпосылки для значительного повышения эффективности производства, для экономии природных ресурсов и защиты окружающей среды, для перехода к устойчивому развитию.

Однако информационное общество создает новую информационную реальность, по сути – виртуальный мир информации, идей и мифов, в котором живет человек, принимая его за реальный. Именно поэтому можно предположить, что будущие «компьютерные поколения» в глобальном технизированном мире неизбежно столкнутся с целым рядом принципиальных изменений в сознании людей. Следует ожидать изменения типа мыслительной деятельности (мировоззрения, типа социальной памяти, типов рациональности и ментальности). Как считает А.Д.Иоселиани, получит развитие визуальное мышление как особый вид синтетического мышления [16; 250]. Вместе с тем, осознавая все преимущества информационного общества, нельзя не учитывать, что оно несет с собой не только новые решения и возможности, но и новые проблемы и риски.

Дальнейшие направления исследования данной темы мы связываем с изучением следующих проблем:

- отношения интеллектуальной и правящей элит в информационном обществе;
- возможные варианты использования данных, полученных при «обратной связи» средствами массовой информации и Интернет;
- выявление подходов, позволяющих отличать мифы информационной эпохи от реальности и способствующих определению интересов социальных групп и организаций, в интересах которых эти мифы создаются.

Источники и литература

1. Буюва Л.П. Человек как высшая ценность и главное богатство общества // Человек в системе наук. - М.: Наука, 1989. - С. 493-502.
2. Кант И. Критика практического разума // Соч. в 6-и т. - Т. 4. – Ч.1. - М.: Мысль, 1965.- С. 311-504.
3. Тимохин А.М. Долженствование как онтологическое содержание норм // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – Т. 17. - №1 (2004). – С. 55-63.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. - 415 с.
5. Газнюк Л.М. Персоніфікованість символів і речей у соматичному та екстрасоматичному бутті людини // Практична філософія. - № 4. - 2004 (№14). - С.153-158.
6. Хорхе А. Ливрага. Общество комфорта и философия риска. - http://www.newacropolis.ru/magazines/1_2003/Obshestvo_komf_i_fil.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. - М.:Медиум, 1992. - 323 с.
8. Микешина Л.А. Философия познания Полемиические главы. - М.: Прогресс - Традиция. - 2002. - 624 с.
9. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969 – 276 с.
10. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М.: Изд-во АН СССР, 1991.
11. Маклюэн М. Средство само есть содержание. – <http://dll.botik.ru/libr/cit/macclu.koi8.html>
12. Тоффлер Елвін. Третя хвиля. – К.: Вид. дім “Всесвіт”, 2000.– 480 с.
13. Иноземцев В.Л. Класс «интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. – 2000. – № 6. – С. 67-77.
14. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. - М.: Мир, 2001. – 365с.
15. Brzezinski Zb. Between Two Ages. – New York: Macmillan, 1970. – 355 p.
16. Иоселиани А. Д. Техносфера в контексте глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2002. - № 1. - С. 246-256.